

А. С. СВЕРЧКОВА

Записи о семье Гумилевых

(отрывок)

МИТЯ И КОЛЯ

Митя и Коля были братьями-погодками. Как по наружности, так и по характеру они были совершенно не похожи друг на друга. Митя с самых ранних лет отличался красотой, имел легкомысленный характер, был аккуратен, любил порядок во всем и охотно заводил знакомства. Коля, наоборот, был застенчив, неуклюж, долго не мог ясно произносить некоторых букв, любил животных и не признавал порядок ни в вещах, ни в одежде. В то время как Митя увлекался приключенческими романами, Коля читал Шекспира или журнал «Природа и люди». Митя на подаренные деньги покупал лакомства, Коля — ежа или белых мышей. Выходить к гостям он терпеть не мог и уклонялся от новых знакомств, предпочитая общество морских свинок или попугая. В самом раннем детстве он едва не лишился глаза из-за недосмотра няньки. Старые товарищи отца его, Степана Яковлевича, возвращаясь из плавания, часто привозили ему небольшие бочонки с вином из-за границы. Случилось, что привезли бочонок хересу. Степан Яковлевич и Анна Ивановна разлили вино по бутылкам, чтобы возвратить тару, крепко закупорили и убрали бутылки в подполье. Это доглядела нянька; каждый вечер, когда господа ложились спать, она доставала бутылку, отбивала горлышко и напивалась пьяная. В 12 часов обыкновенно она носила Колю матери покормить ребенка, и затем он спал спокойно в колясочке до 6 утра. Но новое вино оказалось крепче марсалы. Вернувшись от матери с ребенком, нянька не положила в колясочку, а опустила мимо, причем ребенок упал лицом на отбитый край бутылки. Страшный крик разбудил всех. Все лицо Коли было в

крови, и отец думал, что поврежден глаз. К счастью, была рассечена бровь, и шрам остался на всю жизнь.

В мальчишке рано проснулась любовь к поэзии, он стал глубоко вдумываться в жизнь, его поразили слова в Евангелии: «вы боги»¹... и он решил самоусовершенствоваться. Живя в «Березках»², он стал вести себя совершенно непонятно: пропадал по суткам, потом оказывалось, что он вырыл себе пещеру на берегу реки и проводил там время в посте и раздумье. Он пробовал даже совершать чудеса!.. Разочаровавшись в одном, он тотчас же хватался за другое, занимался астрономией, для чего проводил ночи на крыше, делал какие-то таинственные вычисления и опыты, не посвящая никого в свои занятия. Но были у него и другие дела, не менее важные. Так, например, будучи учеником 8 класса, Коля обратился к сестре Шуре³, с которой был очень дружен, и просил ее помочь его товарищу похитить девицу, ученицу 7 класса в Рязани, дочь инспектора. Сестра должна была приютить беглецов и в течение хотя бы двух недель продержат тайно в своей комнате. Много надо было употребить хитрости и тактичности, чтобы отговорить друзей от рискованного дела и настоять на том, что прежде надо всем троим выдержать переэкзаменовки. Страсть к путешествиям тоже рано начала волновать душу Коли. Ему хотелось ехать в неизведанные страны, где еще не ступала нога европейца. Для этой цели он начал тренироваться: много плавал, нырял, стрелял без промаха, но охотиться не любил: ему жаль было убивать незащитных птиц и животных. Ходить пешком много он не мог: у него были, как он говорил, мягкие ноги, но ездить верхом мог сколько угодно, даже спал в седле.

После окончания гимназии и смерти отца Николай Степанович поехал в Париж и прослушал курс лекций в Сорбонне, но шумный город ему наскучил, его потянула к себе Африка с ее неисследованными — белыми на карте — местностями. К этому времени относится его знакомство с А<нной> А<ндреевной> А<хматовой>⁴.

Женитьба не охладила его стремление путешествовать. Получив от матери деньги, Николай Степанович поехал в Абиссинию в качестве простого путешественника и, вернувшись оттуда, решил предпринять второе путешествие, запасшись нужными бумагами от Академии Наук.

В 1913 г. Николай Степанович поехал вторично, пригласив в качестве фотографа и препаратора племянника Колю Маленького. Это путешествие оба они описали в своих дневниках, которые, к сожалению, сохранились не полностью. Особенно жаль трудов Коли Маленького, который, будучи смертельно больным,

все-таки описывал очень подробно все приключения, случавшиеся с ним в странах Галла. Эту рукопись у него купил издатель, но во время революции и издатель, и рукопись с многочисленными снимками пропали. Н. С. и в дикой Африке никогда не терял присутствия духа. Так — рассказывал Коля Маленький — понадобилось им найти человека — проводника, знающего французский язык. Отцы иезуиты прислали несколько молодых людей, но никто из них не пожелал идти в неизведанные места к дикарям. Нашелся один — Фасика — который даже знал несколько слов по-русски. Но вот беда: его не пускала тетка, и в то время, когда надо было выступить каравану, прислала людей, чтобы его увести. Начался спор. Фасику тянули вправо, тянули влево, и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы вдруг не появился какой-то абиссинец, размахивавший палочкой над головой. Н. С., долго не думая, вырвал у него из рук палочку и замахнулся на него. «Что вы, что вы! — закричал Фасика, — ведь это ж судья!» Все кончилось вполне благополучно, судья рассмотрев бумаги, разрешил взять переводчика и даже подарил Н. С. свою палочку, знак своего могущества, после чего все отправились к тетке Фасика, где засиделись до заката солнца. Как везде в тропических странах, сразу же опустилась полная темнота. Возвращались в лагерь при свете факелов, и Коля М. вдруг обнаружил, что Н. С. где-то отстал. Как найти его в непроницаемой тьме среди зарослей, когда кругом слышны рычания зверей и хохот гиен? Оказалось, что он устал, сел отдохнуть и нечаянно уснул.

В другой раз подошли они к реке Уаби. Вместо моста была устроена переправа таким образом: на одном берегу и на противоположном росли 2 дерева, между ними был протянут канат, на котором висела корзина. В нее могли поместиться 3 человека и, перебирая канат руками, двигать корзинку к берегу. Н. С. очень понравилось такое оригинальное устройство. Заметив, что деревья подгнили или корни расшатались, он начал сильно раскачивать корзинку, рискуя ежеминутно упасть в реку, кишашую крокодилами. Действительно, едва они вылезли из корзинки, как одно дерево упало и канат оборвался.

В пути караван Н. С. встретился с двумя абиссинцами, которые шли к св. Гуссейну, чтобы он помог им отыскать пропавшего мула. Н. С. заинтересовался и повел караван к жилищу пророка. По дороге туземцы рассказывали ему много чудесного: как святой превратил неприятельское войско в камни, как гора перешла вслед за святым со своего места на новое и т. д.

Гуссейн принял европейцев с почетом, остался доволен подаренными подарками, позволил им все осмотреть, но приказал

зорко следить, чтобы они ничего не взяли, ни одного камушка, ни одной тряпочки.

Для испытания греховности человека служили 2 больших камня, между которыми был узкий проход. Надо было раздеться донага и пролезть между камнями в очень узкий проход. Если кто застревал — он умирал в страшных мучениях: никто не смел протянуть ему руку, никто не смел подать ему кусок хлеба или чашку воды. В этом месте валялось немало черепов и костей. Как не отговаривал Коля Маленький, Н. С. все-таки рискнул сделать опыт — пролезть между камнями. Коля М. говорил, что он боялся за дядю, как никогда в жизни! Все кончилось благополучно и Коля М. поспешил увести караван подальше, пока дядюшка не выдумал еще какого-нибудь «опыта». Однажды на них напало стадо буйволов. Их спасло только то, что дикие животные испугались, увидя лицо белого человека и повернули обратно. В другой раз они подверглись нападению обезьян, забравшись слишком глубоко в чащу леса. Коля Маленький побывал в зубах крокодила и спасся только благодаря своей находчивости, а мул, на котором он ехал, погиб.

Во время своего первого путешествия Н. С. заболел тропической малярией, во второй раз этой болезни подвергся Коля Маленький, и только доктор-абиссинец спас его от смерти.

Наступил 1914 г. Началась война с Германией. Н. С. из-за глаз не был призван, точно так же, как и Коля М., но они оба были патриоты и не могли оставаться в тылу: они записались вольноопределяющимися в лейб-гвардии кирасирский полк, стоящий в Царском Селе. Обоих их откомандировали в Школу прапорщиков. Н. С. назначили на фронт, а Колю М. по слабости легких оставили в тылу. Взятка писарю — и вместо «негоден» поставили «годен», и Коля М. отправлен в полк. Отравленный ядовитыми газами, контуженный, он вернулся домой. Н. С. не был ни ранен, ни контужен, но за свою безумную смелость заслужил 2 Георгия и был направлен во Францию для успокоения наших солдат, бывших там с начала войны. Н. С. совершенно разошелся с Ахматовой и записался с Анной Николаевной, урожденной Энгельгардт. Он надеялся, что молоденькая девушка (кто говорил, что дочка Бальмонта)⁵ более мягкого характера скорее составит счастье его жизни. Но он глубоко ошибся: Ася была мелочна, глупа, жадна и капризна. Во время голода 1920—21 гг. он прислал ее с дочкой Леночкой в Бежецк⁶ и стал высылать миллионы на содержание жены и дочери, но Ася капризничала, требовала разнообразия в столе, а взять было нечего: картофель и молочные продукты, даже мясо с трудом можно было достать.

Ася плакала, впадала в истерику, в то время как Леночка, стуча кулачком в дверь, требовала «каки», т. е. картофеля. Своими капризами Ася причинила Анне Ивановне много неприятностей и даже болезней. Чтобы получить от мужа лишние деньги, она писала ему будто бы брала у Александры Степановны в долг и теперь по ее «неотступной» просьбе, должна ей возвернуть. Выяснилось, что все это выдумки, и Николай Степанович взял ее обратно в СПб.

Там она устроилась играть пажей в каком-то театре и танцевать.

«Знаешь, Шура, — сказала она в 1924 году Александре Степановне, приезжавшей туда на курсы, — когда я узнала о трагической смерти Коли, я даже плохо танцевала». После этого Александра Степановна с ней больше не виделась.

<...> Трагическая смерть Николая Степановича очень сильно поразила семью в Бежецке. Александра Степановна, которая первая узнала из газет об этом, сразу лишилась рассудка. «Как я скажу маме?» — твердила она, бегая по комнате и ломая руки, и ничего не слушала, кто говорил, что Анна Ивановна уже все знает. Только один Лева * мог ее успокоить. Наконец, доктор дал ей снотворного, и она затихла. У Варвары Ивановны сделался потрясающий озноб, и она слегла и умерла 2/XII того же года. Что касается до Анны Ивановны, то кто-то уверил ее, что Николай Степанович не такой человек, чтобы так просто погибнуть, что ему удалось бежать, и он, разумеется, при помощи своих друзей и почитателей, проберется в свою любимую Африку. Эта надежда не покидала ее до смерти. <...>

* Лев Николаевич Гумилев (ред.).